

ПРИЗЕМЛИВШИЙСЯ

Алкоголь подрезал этому пилоту крылья, и только благодаря обретенной трезвости и упорной работе он вновь взлетел в небо.

Я – алкоголик. Во мне есть доля крови индейцев-команчей, и я рос в бедной, но любящей семье – до тех пор, пока алкоголизм не завладел обоими моими родителями. Затем последовали разводы, по три у каждого из них, и я познал гнев, который так характерен для членов семей алкоголиков. Я клялся себе, что никогда не стану алкоголиком. Активно участвуя в жизни своей индейской общины, я также видел, что алкоголь делает с другими людьми, и испытывал к нему неприязнь и отвращение.

В семнадцать лет я окончил среднюю школу и сразу после этого уехал, чтобы поступить на военную службу в морскую пехоту. Там я чувствовал себя как дома, упиваясь жесткой дисциплиной, сплоченностью и духом воинской доблести. Я показывал отличные результаты и был одним из трех парней, которых после учебного лагеря новобранцев повысили в звании. Через четыре с половиной года мне предоставили возможность пройти обучение летному делу. Успешное завершение курса, который длился полтора года, означало бы нашивки пилота и офицерское звание. И здесь я преуспел. Несмотря на то, что большинство моих товарищей пришли сюда после колледжа, и меня постоянно преследовал страх неудач, я был одним из лучших учеников.

Однако я преуспел и в кое-чем еще. В нашей среде пьянство поощрялось; пилот должен был круто и бесстрашно летать и столь же круто выпивать, и участие в увеселительных мероприятиях считалось его обязанностью. Я не нуждался ни в каком поощрении и наслаждался товарищеской

атмосферой, добродушными шутками и соревновательным духом.

Проучившись здесь год, я познакомился с одной юной красоткой. В тот вечер я был пьян, и она не захотела со мной общаться; но я ни за что бы не осмелился к ней приблизиться, если бы не фальшивая храбрость, которой меня наделил алкоголь. На следующий день я снова ее встретил, на этот раз – трезвый, и мы начали встречаться. В ее двадцатый день рождения я окончил курс, и она приколола мне нашивки с золотыми крыльями и погоны старшего лейтенанта. А через две недели мы поженились. Недавно мы отпраздновали тридцать пятую годовщину своего брака. Она – самый чудесный человек, какого я только мог найти.

Вскоре у нас родилось двое сыновей, и я уехал на войну во Вьетнам. Возвратился через тринадцать месяцев. В общей сложности я прослужил в морских войсках одиннадцать с половиной лет, а затем решил уйти со службы, поскольку военная карьера подразумевала жизнь вдали от семьи. В детстве я достаточно пострадал из-за семейного хаоса и потому знал, что никогда не допущу, чтобы так получилось и в моей собственной семье. Итак, с неохотой и даже с болью в сердце я подал в отставку и пошел работать на одну крупную авиалинию. На военной службе я заработал себе репутацию, которой гордился. На моем счету было множество достижений и боевых наград, и я обладал навыками пилотирования.

В структуре авиалинии я начал медленно продвигаться по служебной лестнице и после двадцати лет работы, наконец, стал капитаном. Между работниками и компанией случались стычки, и нашей семье приходилось переживать трудные времена. Во время одной из продолжительных забастовок мы удочерили грудную девочку. Благодаря ей семья стала полной. Когда мы забрали ее к себе, этой пре-

лестной малышке, примерно наполовину индианке из племени чиппева, было семнадцать дней.

Мое пьянство все усугублялось, но я не считал, что в этом отношении чем-то отличаюсь от своих собутыльников. Однако я сильно заблуждался. Меня дважды, с промежутком в несколько лет, арестовывали за вождение в нетрезвом виде. Я списал это на простое невезение и заплатил внушительные штрафы, чтобы мне смягчили наказание. Это произошло задолго до того, как в авиакомпаниях стали проверять дорожные сводки по своим пилотам.

Однажды ночью, после того, как я с двумя членами своего экипажа пропьянствовал полдня и весь вечер, нас арестовали. Нас обвинили в нарушении федерального закона, запрещающего управление транспортными самолетами в нездоровом состоянии. Раньше этот закон никогда не применяли к пилотам авиалиний. Я почувствовал себя опустошенным. Неожиданно, я вляпался в такую переделку, которая не привиделась бы мне в самом страшном кошмаре.

Домой я пришел на следующий день с тяжелым сердцем, и не смея посмотреть жене в глаза. Пристыженный и уничиженный, я в тот же день посетил двух докторов и услышал диагноз — «алкоголизм». А вечером отправился на лечение, не имея при себе ничего, кроме одежды. Нашей историей заинтересовались СМИ, которые раструбили о ней по всему миру. Об этом говорили по всем крупнейшим телеканалам. Невозможно описать мой стыд и унижение. Свет померк для меня, и я помышлял о самоубийстве. Я не мог себе представить, что когда-нибудь снова смогу улыбаться или что когда-нибудь наступит не столь унылый день. Я никогда и не думал, что человек может так страдать. Мне хотелось одного — чтобы боль исчезла.

Я приобрел печальную известность в коммерческой авиации, и СМИ оттачивали на мне свое мастерство. Из-за ди-

агноза «алкоголизм» я потерял свой медицинский сертификат, и все мои лицензии в срочном порядке отозвали. Я вспомнил своих родителей (ныне покойных), других представителей своего народа и всех тех, кого раньше считал алкоголиком. И понял, что превратился именно в того, кем клялся никогда не стать.

Через неделю после того, как я лег в клинику, вышел выпуск новостей, из которого я узнал, что моя карьера окончена. Я отказывался смотреть телевизор, но другие пациенты держали меня в курсе. Несколько недель я был главной темой для новостных передач, а также объектом шуток комиков из вечерних шоу, которые высмеивали меня, мою профессию и мою авиакомпанию.

Вдобавок оказалось, что меня собираются посадить в федеральную тюрьму. В случае, если бы меня осудили, заключения было бы не миновать. Я не сомневался, что так и будет. И, поскольку больше мне ничего не оставалось, я посвятил все свое время изучению путей к выздоровлению. Я горячо верил, что ключ к трезвости, а значит — и к выживанию, содержится во всем том, чему меня учат, и, находясь в больнице, не терял ни минуты. Я трудился так же упорно, как и тогда, когда зарабатывал свои погоны. Но на этот раз на кону была моя жизнь. Проходя через один судебный кризис за другим, я боролся, чтобы вновь обрести духовную целостность.

Выйдя из клиники, я намеревался посетить девяносто собраний АА за девяносто дней. Однако, опасаясь из-за судебных разбирательств не успеть, я сходил на девяносто собраний за шестьдесят семь дней. Процесс надо мной, напряженный, освещаемый прессой, длился три недели. После дня, проведенного в суде, вечерами я чаще всего искал убежища на собраниях АА и набирался там сил для следующего дня. Выздоровление и все то, что я узнал, позволило мне

относиться ко всему происходящему совсем не так, как те двое ребят, что вместе со мной проходили по делу. Многие говорили о моем спокойствии в этот кошмарный период. Это меня удивляло. Внутри я не чувствовал того, что, похоже, видели во мне другие.

Меня признали виновным и приговорили к шестнадцати месяцам тюрьмы. Мои два сотоварища получили по году, но решили пока остаться на свободе в ожидании, пока рассмотрят их апелляцию. Я же выбрал отправиться в тюрьму и покончить с этим. Я уже научился принимать жизнь на ее условиях, а не ставить ей собственные. Еще со школы я помнил стихотворение, в котором говорится что-то вроде: «Трус умирает тысячу раз, а храбрец – только раз», и хотел сделать то, что должно быть сделано. Я испытывал ужас перед тюрьмой, но сказал своим детям, что нельзя выйти через заднюю дверь, пока не войдешь через переднюю. Кроме того, я помнил, что мужество – это не отсутствие страха, а способность взглянуть ему в лицо.

В тот день, когда я оказался за решеткой, девять моих коллег-пилотов начали оплачивать коммунальные расходы моей семьи и продолжали это делать около четырех лет. После освобождения из тюрьмы я четыре раза пытался заставить их позволить нам самим платить за себя, но они все время отказывались. Так помощь пришла к нам оттуда, откуда мы ее совершенно не ожидали.

В федеральной тюрьме я провел 424 дня. Там я основал группу АА. Администрация была против, и каждую неделю, когда мы собирались, донимала нас. Эти еженедельные собрания были тихим оазисом в пустыне, мгновениями покоя посреди тюремного бедлама.

Когда я оттуда вышел, последовали три года испытательного срока с тринадцатью условиями, включая ограничение дальних поездок. Я больше не был пилотом и потому пошел

в тот самый лечебный центр, пациентом которого некогда был, и стал работать там с другими алкоголиками. Оплата была минимальной, но я обнаружил, что мне удастся доносить до других смысл наших идей, и мне отчаянно хотелось вернуть хотя бы часть того добра, которое дали мне столь многие люди. Этим я занимался двадцать месяцев.

Долгое время я не рассматривал возможности снова летать, однако не мог в душе не мечтать об этом. В одной из моих книг о медитации говорится: «Прежде чем сможет сбыться какая-нибудь мечта, сначала она должна появиться». Мне сказали, что, если я хочу опять летать, мне придется начать с самого низа – с рядовой лицензии, несмотря на то, что раньше у меня была лицензия самого высокого уровня – на управление транспортными самолетами. И я снова стал учиться и сдал все необходимые длинные письменные экзамены. Я вынужден был начать все сначала и заново выучить все то, что учил тридцатью годами раньше и уже давно позабыл. Против ожидания, мне удалось вернуть свой медицинский сертификат, доказав тот факт, что я трезв вот уже третий год.

Суд применил ко мне санкции, которые не позволяли мне снова летать из-за моего возраста. Мой адвокат стал моим другом и после того, как меня осудили, три года работал на меня, не взяв с меня ни цента. Он был еще одним человеком, который вошел в мою жизнь так, что я могу это приписать только Божественному Провидению. Он подал ходатайство о снятии санкций. Когда он позвонил мне и сообщил, что судья удовлетворил его просьбу, по моим щекам градом покатались слезы. С отменой этих ограничений невозможное стало немного менее невозможным. Оставалось еще проделать огромную работу; но теперь, по крайней мере, можно было попытаться.

Никто из моих друзей не думал, что снова получить все лицензии буквально с нуля – это реально. Однако я научился

многое делать день за днем, шаг за шагом, и над получением лицензий трудился именно в этой манере. Если бы я охватывал взглядом всю панораму предъявляемых требований, то бросил бы эту затею, потому что они казались бы просто непосильными. Но, если действовать по принципу «каждый раз — только один день» и «каждый раз — только одно дело», они становились выполнимыми. И я их выполнил.

Я знал, что никто никогда не примет меня пилотом пассажирского самолета. Я ведь был бывшим капитаном, преступником и пьяницей. Я сомневался даже в том, что хоть какая-нибудь компания позволит мне водить транспортные самолеты.

Чтобы обработать мои лицензии и прислать их мне, Федеральному управлению авиaperевозками потребовалось несколько месяцев. В тот самый день, когда я их получил, случилось еще одно чудо. Мне позвонил глава профсоюза пилотов и известил меня о том, что президент той компании, на которую я работал, лично принял решение восстановить меня в должности. Я не подавал на эти авиалинии жалобу, хотя по закону имел на это право, потому что знал, что моим действиям нет оправдания. Перед телекамерами и в лечебном центре я прямо заявлял о том, что беру на себя всю ответственность. Мое выздоровление требовало строгой честности.

Мне едва верилось, что глава компании вообще мог задуматься о том, чтобы снова взять меня на работу. Я поражаюсь смелости этого человека и этой компании. А что, если я сорвусь? Что, если снова поведу самолет в нетрезвом виде? Для прессы это будет настоящий праздник. Потом много дней подряд, когда я утром просыпался, первой моей мыслью было, что это мне лишь приснилось и что это просто не может быть правдой.

Почти через четыре года после моего ареста и взрывообразного крушения моей жизни я заключил с компанией до-

говор о своем возвращении на работу. Восстановлен во всех правах и снова пилот! Посмотреть, как я подписываю документ, собралась целая толпа.

В моей жизни случилось многое. Я потерял почти все, чего добился упорным трудом. Моя семья перенесла публичный позор и унижение. Я служил объектом насмешек, укоров и презрения. Однако хорошего произошло гораздо больше; каждая потеря была возмещена обильными дарами. Обещания Большой Книги сбылись для меня с таким размахом, какого я не мог себе и вообразить. Я обрел трезвость. Вернул свою семью, и у нас опять близкие и любящие отношения. Научился применять Двенадцать Шагов и жить по этой чудесной программе, которую так давно создали двое пьяниц.

На это ушло несколько лет, но я научился быть благодарным за свой алкоголизм и программу выздоровления, к которой он меня подтолкнул; за все то, что случилось со мной и для меня; за мою теперешнюю жизнь, которая далеко превосходит все то, что было у меня раньше. Если бы я не пережил все вчерашние дни, у меня бы не было этого сегодняшнего.

В договоре о моем возвращении на работу говорилось, что я уйду на пенсию вторым пилотом. Однако для меня чудеса программы не прекращаются, и в прошлом году мне сообщили, что президент компании опять дал мне разрешение стать капитаном.

Я ушел на пенсию в возрасте шестидесяти лет и в чине капитана «Боинга-747», а это означает, что мой последний год в авиалиниях закончился в кресле слева. Круг, столь священный для моего индейского народа, снова завершился.

Во всем этом моя заслуга невелика. Я играл свою роль, но всеми чудесными событиями, произошедшими со мной, я в гораздо большей степени обязан АА, милосердию любяще-

го Бога и помощи стольких людей. Сегодня мой сын, чуть не отдавшийся во власть алкоголю и наркотикам, имеет стаж трезвости более трех с половиной лет. Он – еще одно настоящее чудо в моей жизни, за которое я глубоко благодарен.

Я долго прожил в отрыве от своего народа, испытывая за это стыд. Теперь я вернулся к нему. И опять танцую и участвую в традиционных мероприятиях. Я выступал на двух съездах коренных американцев, являющихся членами АА – в юности я такого и представить себе не мог. В несчастье мы познаем свое истинное «я». Но нам нет нужды в одиночку переживать несчастье, ведь на собрании АА мы можем найти другого алкоголика.